

Реакция Правителя царства Цинь была молниеносной. Он спросил:

— А где мать этого ребёнка?

Цинь Цзычу опечалился. Голос его дрогнул от искреннего горя:

— Она была кроткой женщиной из царства Чжао и понимала долг перед государством. Я взял её в законные жёны. К несчастью, во время нашего бегства её покинули силы, и роды начались раньше срока. Она не перенесла этих мук — у неё открылось кровотечение, и сразу после появления младенца на свет она скончалась.

Правителю царства Цинь было совершенно безразлично, кем была покойная супруга его внука и жива ли она вообще. Главное — младенец, покоившийся на руках Цзычу, был рождён в законном браке.

Удовлетворившись ответом, Правитель царства Цинь ободряюще похлопал Цзычу по плечу и бросил в знак утешения:

— Твой выбор супруги делает тебе честь. Не забывай совершать поминальные обряды в её честь. Твой отец очень тосковал по тебе. В последнее время он то и дело докучал мне разговорами, надеясь вернуть тебя на родину. Раз уж ты теперь в безопасности, пусть он отведёт тебя к госпоже Хуаян. Ступай, воссоединись с семьёй.

Цинь Цзычу склонился в глубоком поклоне, однако не торопился воспользоваться монаршей милостью. Повернувшись к Чжан Ли, он твёрдо произнёс:

— Дела государственные превыше семейных. Как бы ни тосковал Ижэнь по родителям, есть одна вещь, о которой я обязан доложить государю, дабы уберечь вас от коварного обмана злоумышленников.

Поднявшись с колен, Цзычу указал на своего спутника.

— Этот человек — господин Чжан Ли. В Чжао он претерпел немало лишений, чтобы разыскать меня, и в пути не раз спасал мою жизнь, вызволяя из смертельных ловушек. Прежде он служил советником у господина Пинъюаня и там прознал о чудовищном заговоре против нашей Великой Цинь.

Лицо Правителя царства Цинь мгновенно потемнело. Он сухо бросил:

— Говори.

Поняв безмолвный знак Цзычу, Чжан Ли с глухим стуком опустился на колени перед правителем.

Умолчав о подлинных причинах своего бегства в царство Чжао, он со всем пылом праведного гнева изложил то, чем ранее делился с Цзычу, искусно сгущая краски. С каждым словом лицо Правителя царства Цинь бледнело, пока не лишилось всяких красок.

— Фань Суй! — в ярости рявкнул государь, с размаху обрушив ладонь на стол. — Как он посмел?! Когда-то в Вэй его заподозрили в тайных связях с Правителем царства Ци, и он бежал в мою Великую Цинь, ища спасения. Это я осыпал его милостями, дал чины и богатство, я развязал войну против Ци, Чжао и Вэй, чтобы отомстить за его обиды! И вот какова его благодарность! Поистине, горбатого могила исправит! Он снова берёт взятки у чужеземцев и смеет сеять раздор между мной и господином Уанем! Ничтожный честолобец, как слепо я верил ему! Эй, стража! Скрутить Фань Суя и доставить ко мне! Я сам спрошу этого мерзавца, чем я обидел его, раз он замыслил столь подлое предательство!

Видя, что правитель вне себя от гнева, Цинь Цзычу благоразумно умолк о канцлере и мягко перевёл разговор на другую тему:

— Моему счастливому возвращению содействовал не только господин Чжан Ли. Когда я попал в беду, руку помощи протянули из Вэй. Приглашённый генерал Синьюань Янь, прибывший в качестве вэйского посланника, сейчас ожидает вашего соизволения в Сяньянском дворце. Правитель царства Вэй не желает связывать себя союзом с Чжао и гневить нашу Великую Цинь. Не пожелает ли государь выслушать его?

Отцовское сердце, пусть даже речь шла о внуке, всегда склонно к снисхождению. Пылавший яростью Правитель царства Цинь, услышав вкрадчивый голос наследного принца, заметно поостыл, хотя лицо его по-прежнему оставалось угрюмым.

— Хм? — с досадой отозвался государь. — Если Вэй не желает вмешиваться, пусть бы их правитель Цзи Юй и дальше сидел в своей норе, подобно трусливой черепахе. Зачем присылать послов? Наверняка они замышляют что-то своё.

Цзычу на мгновение задумался. Своим подвешенным языком Фань Суй сумел убедить Правителя царства Цинь казнить самого Бай Ци — сила его убеждения была поистине велика. Вэйцы питали к бывшему первому министру кровную вражду: будучи уроженцем Вэй, тот сбежал и обратил весь свой ум против собственного дома. Весь вэйский двор спал и видел, как бы сжить предателя со света. Коль скоро их цели совпадали, почему бы не столкнуть Синьюань Яня с правителем лицом к лицу? Это даст союзу надёжный рычаг для полного уничтожения Фань Суя.

«Вэйцы ненавидят Фань Суя, — размышлял Цзычу, — и если Синьюань Янь лично подтвердит предательство канцлера, у того не останется путей к отступлению. Нужно ковать железо, пока горячо».

Приняв решение, Цинь Цзычу осторожно заметил, намекая на скрытую выгоду:

— Каковы бы ни были помыслы вэйцев, они едва ли желают гибели величайшего полководца нашей Великой Цинь. Их покорность нам на руку — это куда лучше, нежели их союз с Чжао

против Великой Цинь. Если государь соблаговолит, было бы разумно принять посла уже сегодня.

Правитель царства Цинь хмуро кивнул и махнул рукой:

— Ступай со своим отцом, отдохни с дороги.

Государь на мгновение замолчал, его тяжёлый взгляд остановился на Чжан Ли.

— Господин Чжан Ли, вас я попрошу остаться, — задумчиво произнёс повелитель. — У меня есть к вам несколько вопросов.

Цзычу бросил взгляд на Чжан Ли. Заметив ответный ободряющий кивок, он облегчённо улыбнулся. Приблизившись к наследному принцу Чжу, Цзычу опустился перед ним на колени и почтительно произнёс:

— Отец, я заставил вас с матерью немало тревожиться.

Наследный принц Чжу на самом деле едва знал своего сына, и его давешний порыв был вызван лишь внезапным волнением. Теперь же, когда буря чувств улеглась, он оглядел Цзычу и ощутил неловкость. Явился он сюда только потому, что не выносил слёз своей любимой супруги, госпожи Хуаян, сокрушавшейся о судьбе пасынка.

— Ну полно, вернулся — и слава предкам, — пробормотал принц Чжу, в замешательстве потирая ладони. — Идём скорее к твоей матушке. Как только повелитель прислал весть о твоём спасении, она от радости залилась слезами. Кто знает, как извелась она там в одиночестве.

Словно прилежный и послушный отрок, внимающий родительским наставлениям, Цзычу покорно склонил голову. Кончики его ушей тронул лёгкий румянец смущения.

— Вы правы, отец, — негромко пробормотал он. — Ижэню не следовало отвлекаться на посторонние разговоры, когда матушка томится в ожидании.

Он вдруг вскинул взгляд, в котором читалась робкая надежда, и вкрадчиво спросил:

— Я прослышал, что госпожа родом из царства Чу. Матушка оказала мне великую милость, приняв как родного сына. Отец... что, если я переменю имя и нарекусь Цзычу — «сыном Чу»? Порадует ли это её сердце?

Принц Чжу так и застыл на месте. Он ненадолго задумался, а затем расплылся в довольной улыбке и закивал:

— Превосходно! Чудесное имя! Какая чуткость, какой сыновний долг! Помни об этом и впредь почитай её. Пока ты прозябал в плену у Чжао, твоя матушка куска в рот взять не могла от тревоги, совсем исхудала, бедная.

Цзычу лишь кротко улыбнулся в ответ, не проронив ни слова.

— Вот что мы сделаем, — воодушевлённо заговорил принц Чжу. — Как только войдём к матушке, ты сразу падай перед ней на колени, а я объявлю, что отныне ты зовёшься Цзычу. Вот увидишь, это растопит лёд между вами.

— Благодарю за мудрый совет, отец, — почтительно отозвался юноша.

Наследный принц Чжу размашистым шагом направился вглубь дворца, ведя Цзычу в самые роскошные покои Восточного дворца. Встречные служанки в изящных поклонах склонялись перед ними, но принц даже не смотрел на эту праздную челядь.

Они беспрепятственно миновали анфиладу залов и очутились перед личными покоями госпожи Хуаян.

Тяжёлый занавес из отборного нефрита, преграждавший арочный проход, мягко переливался в лучах полуденного солнца. Стоило служанкам раздвинуть звенящие нити, как взору предстала женщина необычайной, завораживающей красоты, сидевшая у окна.

Каждое её движение дышало благородством и величавым изяществом. Повернувшись навстречу вошедшим, она одарила мужа едва заметной улыбкой. В её глубоких глазах вмиг смешались радость встречи, нежность, искренний восторг и едва уловимая тень затаённой печали. Этот взгляд приковывал к себе намертво, заставляя позабыть о кричащей роскоши дворцового убранства.

— Жунъянь! — ласково окликнул её принц Чжу, расплываясь в ответной улыбке при виде супруги. — Я привёл нашего мальчика. Ижэнь, скорее поклонись матери!

Он поспешил к ней, опустился на шёлковые подушки рядом и нежно сжал её холёную, тёплую ладонь, бросив приказ сыну через плечо.

Цзычу медленно приблизился к чете. В его взгляде светилась искренняя, почти детская преданность. Бережно прижимая к груди младенца, он грациозно опустился на колени и коснулся лбом пола.

— Сын ваш Ижэнь приветствует достопочтенную матушку. Годы разлуки не коснулись вас: ваш облик всё так же пленителен, а красота затмевает луну и солнце.

Ни одна женщина в Поднебесной не останется равнодушной к лести, тем более увядающая красавица. Когда-то госпожа Хуаян блистала первозданной прелестью, но время неумолимо, и, как бы она ни гнала от себя эти думы, следы увядания уже коснулись её лица. Прямая и искренняя хвала из уст названного сына пришлась как нельзя кстати. Госпожа Хуаян весело рассмеялась, и на её фарфоровых щеках проступил очаровательный девичий румянец.

— Ах ты негодник! — шутливо пожурела она его, прикрывая лицо ладонями, словно застенчивая девица. — Откуда в тебе столько сладостных речей? У меня уж щёки горят от смущения.

Она лукаво взглянула на него сквозь тонкие пальцы. В её влажном взоре было столько кокетства и очарования, что у Цзычу на мгновение замерло сердце.

«Неудивительно, — подумал Цзычу, — что отец пылинки с неё сдувает, хотя она так и не принесла ему наследника. Стоило ей обронить слезу — и он послушно признал меня преемником. С её колдовским очарованием ни один мужчина не устоит против её воли».

Он поспешил вновь опустить глаза и со всевозможной почтительностью произнёс:

— Красота матушки славится по всей Поднебесной, ваш недостойный сын лишь высказал то, что видит каждый.

Госпожа Хуаян залилась тихим смехом, изящно прикрывая губы шёлковым рукавом.

— Полно тебе кланяться, поднимись и присядь подле меня.

Приняв скромный и послушный вид, Цзычу устроился на краю ложа. Внимание его мачехи тут же переключилось на свёрток у него на руках. Она во все глаза уставилась на младенца, и её взгляд буквально молил о позволении прикоснуться к нему.

Цзычу прекрасно понимал причину её томления: у госпожи Хуаян не было сыновей, и вид крошечного, беззащитного дитя пробуждал в ней нерастраченное материнское тепло. Однако она никогда не нянчила младенцев. Как он мог доверить ей А-Чжэна? Стоило ей неловко перехватить ребёнка или причинить ему боль — и Цзычу не ручался, что сумеет сдержать гнев перед высокородной мачехой.

Притворившись, будто не замечает её безмолвной просьбы, он искусно перевёл разговор на пустяки.

Принц Чжу, желая поддержать беседу, охотно подхватил тему. Но госпожа Хуаян, обделённая вниманием и лишённая желанной забавы, надула губы. В её глазах заблестели обиженные слёзы. Она принялась молча перебирать складки своего шёлкового платья, упорно не желая вступать в разговор.

Принц Чжу сидел так, что не видел обиженного личика супруги. Полагая, что сын просто ещё не освоился и не знает, как умаслить мачеху, он поспешил выложить свой главный козырь:

— Душа моя, у нас есть для тебя замечательная новость! Наш сын решил переменить имя.

— О чём ты? Неужто это правда? — изумилась госпожа Хуаян, приоткрыв рот в изумлении и во все глаза глядя на пасынка.

Цзычу смиренно склонил голову:

— Сын ваш просит простить его за своеволие. Отныне моё имя — Цзычу.

На глазах госпожи Хуаян мгновенно выступили слёзы, и она, прерывисто дыша, промолвила:

— Коль скоро твои помыслы чисты, я тоже отвечу тебе искренностью. Завтра же я познакомлю тебя с тремя твоими сёстрами, которых я произвела на свет.

«Что?! — пронеслось в голове Цзычу. — У неё есть дети? Неужели слухи о бесплодии госпожи Хуаян означали лишь то, что она не родила мальчика?! Какое упущение!»

Сердце его бешено заколотилось. Нужно было срочно исправлять оплошность, пока не поздно.

— Цзычу — всего лишь непутёвый мужчина, — поспешно заговорил он с мягкой улыбкой. — Мне недоступны тонкости воспитания детей, и я очень надеюсь на вашу материнскую мудрость и наставление.

Лицо госпожи Хуаян мгновенно озарилось счастливой улыбкой.

— Ах, доверь это мне! — радостно воскликнула она. — Обо всём позабочусь сама, будь спокоен!

<http://bllate.org/book/18277/1750306>